

Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 3 (114). С. 94–102.
Cherepovets State University Bulletin, 2023, no. 3 (114), pp. 94–102.

Научная статья
УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-3-114-8>

Маркеры локальной картины мира: женщина – жена, мать и дочь (на материале вологодских говоров)

Юлия Сергеевна Захарова

Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина,
Сыктывкар, Россия
ponchik_kotov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5823-135X>

Аннотация. В статье исследуются лексемы, входящие в структуру лексико-семантических полей вологодского говора. Лексемы вербализуют базовые женские роли: жены, дочери, матери. Исследование проводится на основе лексико-семантического, морфемного, словообразовательного анализа более 740 лексико-семантических единиц, а также контекстуального комментария. Кроме того, в статье определяются отличительные черты диалектной языковой картины мира.

Ключевые слова: диалектная языковая картина мира, жена, мать, дочь, концепт, лексико-семантическое поле

Благодарность: Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора Е. Н. Ильиной.

Для цитирования: *Захарова Ю. С.* Маркеры локальной картины мира: женщина – жена, мать и дочь (на материале вологодских говоров) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 3 (114). С. 94–102. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-3-114-8>.

Markers of the local worldview: woman – a wife, mother and daughter (in Vologda dialects)

Yulia S. Zakharova

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University,
Syktyvkar, Russia
ponchik_kotov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5823-135X>

Abstract. The article examines the lexemes that represent lexical-semantic fields in the Vologda dialect that verbalize the basic female roles: a wife, daughter and mother. The study is carried out on the basis of lexico-semantic, morphemic, word-formation analysis of more than 740 lexico-semantic units, as well as contextual commentary. In addition, the article defines the distinctive features of the dialectal language worldview.

Keywords: dialect language worldview, wife, mother, daughter, concept, lexical-semantic field

Acknowledgements. The research was conducted under the supervision of Doctor of Philological Sciences, Professor E. N. Ilyina.

For citation: Zakharova Yu. S. Markers of the local worldview: woman – a wife, mother and daughter (in Vologda dialects). *Cherepovets State University Bulletin*, 2023, no. 3 (114), pp. 94–102. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-3-114-8>.

Введение

Объектом нашего исследования стал корпус микротекстов, зафиксированных в вологодских говорах в беседах с информантами по разделу программы ЛАРНГ «Человек», а также отобранных из «Словаря вологодских говоров». Предметом исследования являются лингвистические средства и способы вербализации концепта «женщина» в локальной речи. Слова, характеризующие женщину как *жену*, *мать и дочь*, извлекались из указанных источников (реплики диалога, направленных бесед по вопроснику ЛАРНГ, цитатные иллюстрации из региональных толковых словарей) методом сплошной выборки тематически однородных микротекстов. В процессе изучения слов применялись методики лексико-семантического, морфемного, словообразовательного анализа, а также контекстуального комментария.

Концепт «женщина» в локальной картине мира включает в себя такие большие лексико-семантические поля (далее – ЛСП), как «мать» (345 лексико-семантических единиц, далее – ЛСЕ), «жена» (250 ЛСЕ), включающее микрополя «невеста», «замужняя женщина», «незамужняя женщина» и «дочь» (микрополя «младшая дочь», «старшая дочь», 145 ЛСЕ). Значение этих концептов в локальной картине мира велико, о чём говорит большой объём лексического материала, который включает данные ЛСП.

Е. Н. Ильина отмечает: «По наблюдениям исследователей, изучающих гендерную аксиологию, признаки проявления женского обнаруживаются по соотношению с мужским более отчетливо. Идеал женщины, несмотря на различия аксиологических доминант в различные временные периоды ее развития, так или иначе связан с биологической функцией продолжения рода и реализацией социальных ролей жены и матери»¹.

Анализ данных полей на материале вологодских говоров позволяет восстановить идеал женщины в локальной картине мира. Для носителей диалектов типичной является вербализация этического и эстетического идеала через отрицание порока. С точки зрения Е. Ф. Петрищевой, «такие качества, как трудолюбие, честность, серьезность, доброе отношение к людям и т. п., являются социальной нормой, что и актуализируется в экспрессивно нейтральных названиях»². Поэтому анализ внутренней формы слов, называющих «плохую» женщину (невесту, жену, мать, дочь) даёт возможность выделить те свойства, которые порицались в крестьянском социуме. Проанализировав 740 лексических единиц, нам удалось выявить базовые качества идеальной жены, матери и дочери в локальной картине мира вологодских крестьян и прийти к определённым выводам.

¹ Ильина Е. Н. Человек в языковой картине мира жителей Белозерья // Вестник Череповецкого государственного университета. 2021. № 6 (105). С. 43–53.

² Петрищева Е. Ф. Стилистически окрашенная лексика русского языка. Москва: Наука, 1984. С. 12.

Оценочность ЛСЕ устанавливалась с помощью компонентного и дистрибутивно-го анализа.

Основная часть

Известно, что славянские термины родства относятся к числу наиболее устойчивых, древних образований, корневой фонд которых является общим не только для разных диалектов одного языка, но и для разных родственных языков. Интересующий нас диалект не является исключением. Лексемы, называющие *мать* и *дочь* в вологодских говорах, имеют корневую общность со славянскими терминами, но варьируется их морфологическая и словообразовательная структура: локализуются как древнейшие образования (*мати, дочи*), так и продуктивные словообразовательные модели (*матка, дочка, свекровка, девка*), однотипные словообразовательные модели (*мать – дочь; матка – дочка, матерь – дочерь, матеря – дочеря* и др.), склонение существительных перестраивается по образцу продуктивных именных склонений (*доча, матеря*). Эти процессы являются типичными в диалектологии.

Основной функцией женщины является материнство. Способность к деторождению считается наиболее важной и вербализуется диалектоносителями (*забрюхателя, обрюхателя, тяжеляя, понестуха / ялая, бездетная, не забрюхателя* и др. лексемы с корнями *-брюх-, -нест-*, типичные для славянских языков). Неспособность забеременеть и выносить ребёнка была главной причиной, по которой женщина не могла выйти замуж. Это признавалось большим несчастьем (*неплодка*). Вместе с тем, уклонение от родов и прерывание беременности также резко осуждались носителями диалекта.

Отношение к беременной женщине было особым. Ей следовало беречь свое здоровье, соблюдать целый ряд запретов, не участвовать в общих праздниках: *Бабы-те не береглись, вот и скидывали дитё-то*.

Как отмечают Е. Н. Ильина и Т. Г. Комиссарова, «представления о репродуктивных функциях женщины выражаются в диалектной речи практически в тех же выражениях, что и о животных: «зоологический код» используется для вербализации способности или неспособности к деторождению, обозначения физиологического состояния беременности, рождения потомства или неблагоприятного исхода беременности. Сходные явления в других русских (донских) говорах ранее отмечала Т. Ю. Власкина, обращая внимание на то, что общность вербализации жизненных циклов животного и человека свидетельствует о синкретизме восприятия мира живой природы в диалектном языковом сознании».¹

После рождения ребенка женщину именовали в основном с помощью лексем, связанных с действиями – *выносить, родить, нянчить* ребёнка – *няня, нянька, родительница, маманя, матка*. Вербализуется любовь детей к матери (*матушка, мамушка* и др. лексемы с уменьшительно-ласкательными суффиксами), необходимость в матери ярко локализована в вологодских говорах (*безматерный, безматкин; Безматкиному быть – хуже нет!*).

¹ Ильина Е. Н., Комиссарова Т. Г. Языковая картина мира вологодского крестьянина / научный редактор Е. Н. Ильина. Вологда: Вологодский государственный университет, 2019. Ч. II. Детство. С. 48–49.

Базовыми качествами «идеальной матери» считались внимание и забота по отношению к детям (*Маманя одна и приласкаёт*), умение вести хозяйство (*Матка у нас вкусныё пироги пекла*), воспитание детей трудолюбивыми и достойными людьми.

Однако стоит отметить, что воспитанием детей часто занимались старшие родственники (бабушки, прабабушки) по причине того, что матери необходимо было работать наравне с другими членами общества: «*Взрослым надо детей накормить, а где они проводят дни и вечера, когда взрослые на колхозной работе с утра до ночи? Хорошо, что у кого из детей бабушка или дедушка. Они как-то ещё смотрят и наставляют и словом, и ремнём, с прабабушкой сидела, не с кем больше было*».¹

Главным помощником матери была дочь. К старшей дочери обращались по принципу старшинства (*большуха, старшая, пестунья* и др. лексемы с корнями *-больш-, -старш-*) или с позиции выполняемых действий (*пестовать, нянчить*). В семье на нее возлагались определенные обязанности: нянчить детей и помогать матери по хозяйству (*пестунья рано поутру вставала; большая девка уж пироги умит стряпать*)².

Любимицей в семье становилась младшая дочь – *меньшуха, малуха, убажница*. Она служила матери утешением, когда старшие дети создавали свои семьи. Это вербализовано в говоре следующим образом: *Малухе всёгды послашиэ кусок. За меньшуху-то матка боле всех переживала. Старшие разъехались – одна убажница осталась. Малышка пособила сено загрэбать*.³

Говоря о воспитании детей, стоит отметить, что девочек уже с 5–7 лет начинали привлекать к женским занятиям – работе со льном и в поле, приготовлению пищи, уходу за младшими детьми и другим занятиям: *Отправляли в няньки. Эта маленькая, а самой спать охота. А с робёнком надо водице. Пусть малка сегодня корову доить будёт. Какоё играть – прести надо было! Тятя мне преснищу сделал, маткиной-то помене*.⁴ Умение выполнять традиционную женскую работу было для девочки необходимым условием, чтобы в будущем удачно выйти замуж.

Девушек, достигших брачного возраста, именовали: *большуха, девага, девча, молодёна, молодка* и т. п. с корнем «*молод*» (молодость, период, когда человек устраивает свою дальнейшую жизнь). При этом ценилось не только умение вести хозяйство, но и привлекательная внешность (*красуха, пригожайка, славница, хорошава, статная, поставная, фигуристая* и др.), физическое здоровье, способность к продолжению рода и выполнению женских обязанностей (*ловкая, расхожая, обиходная, могачка, сносливая, чистохраника; Молодка у моего сына хозяйственная была. Мо-*

¹ Народная речь Вологодского края: опыт мужского речевого портрета / Волкова Н. А. и др. Вологда; Череповец: Череповецкий государственный университет, 2017. С. 192.

² Ильина Е. Н. Человек в языковой картине мира жителей Белозерья // Вестник Череповецкого государственного университета. 2021. № 6 (105). С. 43–53.

³ Там же.

⁴ Там же.

лодуха пекла вкусные наливайки и др¹.), а также такие качества, как скромность (*незаносливая* и др.), приветливость (*проворая, доброхотная, повадливая* и др.).

При выборе невесты также обращали внимание на имущественное положение её семьи, нравственные качества родителей (*Мать у меня была словутницей. Это значит от хороших родителей.*). Е. Н. Ильина отмечает, что «определяя девушку как будущую невесту, диалектное слово *славутница* в своем значении обобщает все те свойства, которыми, по мнению социума, должна обладать будущая жена и мать (*Деука красивая да роботящая, пригожая – вот и славутница. У меня дочка тоже хорошая, чистохранка, и люди не похают. У чистохранки и в доме чисто, и чисто одевши. А которая засранка, дак у тьё и дом не в порядке, и сама пошла по деревне*).²

Девушек, не приспособленных к выполнению домашних женских обязанностей, брать замуж не спешили: (*захухряйка, необходимница, неуборная, недомочь, невозможная, дохлядь, беспутая, Вот уж развилёе взять взамуж, дак всёй семье пропасть!*) Не брали замуж отличавшихся чрезмерной худобой или полнотой: (*Ну ты и оглобля! Такой оглобле и парня не найти! Вот будешь конфеты ись да преники, дак вырастешь трупёрда, как Таля гридинская, кто тебя замуж возьмёт?*); изнеженностью (*Девку всю испотакали, куда годится!*); вычурным внешним видом (*Девка маскалится, жениха ищет*); развязностью поведения (*Девкам-то наваливаться парням ведь не хорошо, стыдно это. Ну и наглядька, скажут!*).³

После замужества женщина обретала вторую мать – свекровь – и должна была проявлять по отношению к ней дочернюю заботу. Она называла её *мамой, маменькой*, а по отношению к свекрови и свёкру звалась *молодухой, молодицей, молодайкой* (в первые годы замужества такое обращение подчёркивало неопытность женщины в браке), *снохой, сношеницей* (*Как же, она и есть сношеница. У миня сын жониусё, дак евоная жена – сноха. Молодайка-то у меня больно роботящая*). Главные *семеиники* (*свёкор, свекровка*) именовали свекровь по принципу старшинства (*большуха*)⁴.

Часто отношение свекрови к невестке было отнюдь не материнским: *Со своей молодицей приехал Павлуха-то, дак мне не поглянулась. Свекровь и невестка не всегда ладом живут*.

Социальный статус замужней женщины был очень важен в обществе (*замужье, мужня, выйти замуж*). Существовали многочисленные наименования не только замужней, но и незамужней женщины. Не выйти замуж считалось постыдным, таких женщин называли *старая дева, вековуха, перестарок, невыходящая* и др. словами с лексемой «стар», «век» (прожить без семьи до старости, быть обузой для своих родителей), это указывало на неспособность женщины иметь семью и потомство, её болезненность и др. (*Старых девок вековухами да перестарками называли со зло-*

¹ Ильина Е. Н. Человек в языковой картине мира жителей Белозерья // Вестник Череповецкого государственного университета. 2021. № 6 (105). С. 43–53.

² Народная речь Вологодского края: опыт мужского речевого портрета // Волкова Н. А. и др. Вологда; Череповец: Череповецкий государственный университет, 2017. С. 74.

³ Там же.

⁴ Ильина Е. Н. Человек в языковой картине мира жителей Белозерья // Вестник Череповецкого государственного университета. 2021. № 6 (105). С. 43–53.

*сти: сначала родители кормят, потом братовья с семьями. Ей-то деваться некуда, так и живёт. Не больно-то хорошо*¹. Жизнь с мужчиной без замужества также жёстко порицалась (*беспутница, бесстыдха, волочайка, потаскуша, мунка* и др.; *Щас и до замужья детей рожают*)². Разведённую женщину называли *разведёнкой, брошенной*. Вина за распад семьи оставалась на ней.

В вологодских говорах практически отсутствуют особые обращения мужа к жене. Отмечаются общерусские и диалектные именованья супругов; часто после рождения ребёнка муж звал жену *мать, матерь, маманя* и др. словами с лексемой «*мать*», что подчёркивало обязанность женщины продолжить род. Хозяйку дома называли словом *сама* – *Сам да сама, да детки ихние. Сама обрягается*³.

Качества, которыми должна обладать «идеальная жена», уже частично описывались выше, это внешняя привлекательность, способность вести домашнее хозяйство, приветливость по отношению ко всем членам семьи, в том числе к родным мужа (*вахлячка, непочётница, неугодница, швыруниха / желанница, радушница, важеватая, великатная, обхожая* и др.), неболтливость и трудолюбие (*баклушница, балаболка, лазготуха, лясница, раздобрарица* и др.); забота (*заботная, кропотная, раделая* и др.); уступчивость, неконфликтность (*зажилчивая, кобенистая, корячливая, несноровная, галданиха, крикуха, полошница* и др.); верность мужу (*беспутница, бесстыдха, бесхарюжница, дряннуха, жгушка, паскудница* и др.).

Несмотря на «условный патриархат», женщина в мировоззрении крестьян Русского Севера была главенствующим звеном, так как на ней держался дом, быт, семейный уют (*большуха, господыня, домоводка*). Мужчина отвечал за освоение мира вне дома.

Интересным в этом отношении является осмысление преобладающей роли женщины в творчестве Василия Белова, в частности в повести «Привычное дело». Автор рассказывает, что в жизни главного героя всё решали «*бабы*»: «*Что же он, Иван Африканович, бабам-то скажет? Бабам скажем, что временно, недели на три. Баба моя в слезы, рев подняла. В магазине стоял шум, бабы говорили все сразу, жалели Ивана Африкановича и ругали Мишку. Дорогу без него всю искорежили какой-то дорожной машиной, то ли грейдером, то ли грязнухой, как называют бабы канавокопатель*».

В приведённых примерах вербализуется, во-первых, лексема «*баба*», которая в современной жизни приобрела негативное значение. В картине мира крестьян Русского Севера «*баба*» – это замужняя женщина, жена («*Стой, а где моя баба?*» – «*Как где, – Митька говорит, – в бане, моется*»; «*А вон вроде Павлова баба за водой пошла, – Федула шумит, – и сарафан точь-в-точь!*»)». Во-вторых, подчеркивается неосведомлённость женщин о «мужском мире» – «*как называют бабы канавокопатель*». Тем не менее, отмечается внутренняя сила женщины, способность взять

¹ Ильина Е. Н. Человек в языковой картине мира жителей Белозерья // Вестник Череповецкого государственного университета. 2021. № 6 (105). С. 43–53.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Белов В. И. Рассказы и повести. Москва: Современник, 1987. С. 294–438.

всё в свои руки: «*Вот ты говоришь, баба. Баба, она, конечно, баба и есть. Только у меня баба не такая, она и отряховку даст кому хошь*».¹

О предназначении женщины и её роли в картине мира крестьян Русского Севера Василий Белов рассуждает в сборнике очерков о народной эстетике «Лад». Главная задача жены – наладить и сохранить в семье и в мире *лад* – миропорядок, соразмерность и сообразность всего сущего: смену времен года, определяющую цикличность трудовой деятельности человека, и различные временные периоды в жизни человека, определяющие физиологическую специфику его тела, особенности характера, поведения и систему социальных ролей.² Однокоренное диалектное слово «*ладом*» означает не просто «хорошо», а в первую очередь «правильно, так, как надо, в соответствии с общепринятыми нормами». *Живите лючки ладом*³ – пожелание молодожёнам. [Арх. обл. Вил. р-н].

Выводы

Таким образом, базовые качества идеальной жены, матери, дочери в локальной картине мира вологодских крестьян строились вокруг способности создать семью и продолжить род, грамотно вести хозяйство и воспитывать детей. Тем не менее, в перечне женских достоинств центральное место занимала красота – у незамужних девушек красота внешняя (наряды, красота лица и тела) и физическая (способность к труду). Красивой признавалась девушка так называемой «здешней красоты», люди, отличающиеся темным цветом глаз, цветом волос или иными особенностями внешности (*цыганка, волыглазка, рыжавая* и др.), не признавались красивыми. Земли Вологды были в основном этнически однородными, «чужаки» бросались в глаза.

Значимость в обществе женщина приобретала только будучи замужем. Красота замужних женщин оценивалась исходя из способности к рождению детей («идеал» предполагал физическое здоровье, т. е. чем больше было детей, тем более «красивой» считалась женщина среди носителей диалекта). Благополучие крестьянской семьи напрямую зависело от многодетности. Дети помогали по хозяйству и заботились о пожилых родителях.

У женщин старшего возраста, уже утративших способность к деторождению, на первый план выходила красота духовная – посещение храмов, молитвы, строгость в соблюдении постов, помощь в ведении хозяйства и воспитании внуков.

Жене, матери, дочери запрещалось нарушать общепринятые правила. Они должны были вести себя сообразно социальным установкам крестьянского мира – не выходить замуж без благословения родителей (*самоходка*), хранить верность мужу (*потаскуха, волочайка*), не уклоняться от рождения детей и т. д.

В отличие от внешнего, «мужского» мира, дом признавался женской территорией. Женщина была в доме полноправной и ответственной хозяйкой. Таким образом, от нее требовалась готовность войти в трудовую жизнь семьи (*проворая, бойкая — неработь, неженка, маломожица*).

¹ Белов В. И. Рассказы и повести. Москва: Современник, 1987. С. 294–438.

² Белов В. И. Лад. Очерки о народной эстетике. Москва: Молодая гвардия, 1982. С. 2.

³ Вилегодская говора: сборник местных слов, выражений, прозвищ, сказок, пословиц и поговорок / Екатерина Байбородина, Нина Полушина. Москва: Звонница-МГ, 2007. С. 31

По отношению к членам своей семьи, к окружающим женщине необходимо было выражать приветливость, несклочность, отзывчивость (*просужая, доброхотная — собачная*), доброту, уважение и терпение.

И. Б. Качинская отмечает: «Когда говорят о языковой картине мира, часто добавляют, что речь идет о «реконструкции» этой картины, т. е. мы как бы собираем в целое некие оставшиеся нам осколки прошлой культуры, с помощью анализа элементов синтезируем целое».¹ Реконструкция локальной языковой картины мира вологодских крестьян позволила воссоздать образ «идеальной» матери, жены, дочери, но работа в этом направлении может и должна быть продолжена.

Список источников

- Белов В. И. Лад. Очерки о народной эстетике. Москва: Молодая гвардия, 1982. 293 с.
- Белов В. И. Рассказы и повести. Москва: Современник, 1987. 672 с.
- Вилегодская говоря: сборник местных слов, выражений, прозвищ, сказок, пословиц и поговорок / Екатерина Байбородина, Нина Полушина. Москва: Звонница-МГ, 2007. 128 с.
- Говор северной деревни. URL: <https://borbushino.vogu35.ru/> (дата обращения: 11.02.2023).
- Ильина Е. Н. Человек в языковой картине мира жителей Белозерья // Вестник Череповецкого государственного университета. 2021. № 6 (105). С. 43–53.
- Ильина Е. Н., Комиссарова Т. Г. Языковая картина мира вологодского крестьянина / научный редактор Е. Н. Ильина. Вологда: Вологодский государственный университет, 2019. Ч. II. Детство. 176 с.
- Народная речь Вологодского края: опыт мужского речевого портрета / Волкова Н. А. и др. Вологда; Череповец: Череповецкий государственный университет, 2017. 232 с.
- Резанова З. И. Человек в ценностной картине мира (на материале сибирских диалектных лексических систем) // Культура Отечества: прошлое, настоящее, будущее: сборник тезисов докладов 4-х духовно-исторических чтений. Томск: [б. и.], 1995. Вып. 4. С. 69–74.
- Трипольская Т. А. О семантической структуре экспрессивного слова // Русская лексика в историческом и синхронном освещении. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1985. С. 86–97.

References

- Belov V. I. *Lad. Ocherki o narodnoi estetike* [Harmony. Essays on folk aesthetics]. Moscow: Molodaia gvardiia, 1982. 293 p.
- Belov V. I. *Rasskazy i povesti* [Stories and novels] Moscow: Sovremennik, 1987, pp. 294–438.
- Govor severnoi derevni* [The dialect of the northern village]. Available at: <https://borbushino.vogu35.ru/> (accessed: 08.11.2022).
- Il'ina E. N. Chelovek v iazykovoii kartine mira zhitelei Belozer'ia [A person in the language world picture of the Belozerye inhabitants]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Cherepovets State University Bulletin], 2021, no. 6 (105), pp. 43–53.

¹ Качинская И. Б. Термины родства и языковая картина мира (по материалам архангельских говоров) // Материалы и исследования по русской диалектологии. III (IX) / ответственный редактор Л. Л. Касаткин. Москва, 2008. С. 265–283.

Илина Е. Н., Комиссарова Т. Г. *Iazykovaia kartina mira vologodskogo krest'ianina. Ch. II. Detstvo* [Language worldview of the Vologda peasant; ed. by E. N. Ilyina. Part 2. Childhood]. Vologda: Vologodskii gosudarstvennyi universitet, 2019. 176 p.

Narodnaia rech' Vologodskogo kraia: opyt muzhskogo rechevogo portreta [Folk speech of Vologda region: the experience of a male speech portrait; ed. by Volkova N. A., Ganicheva S. A., Zagumennov A. V., Ilyina E. N., Melnikova N. G.]. Vologda; Cherepovets: Cherepovetskii gosudarstvennyi universitet, 2017. 232 p.

Rezanova Z. I. Chelovek v tsnenostnoi kartine mira (na materiale sibirskikh dialektnykh leksicheskikh sistem) [Human in the value picture of the world (by the material of Siberian dialect lexical systems)]. *Kul'tura Otechestva: proshloe, nastoiashchee, budushchee: sbornik tezisev dokladov IV Dukhovno-istoricheskikh chtenii* [Culture of the Fatherland: past, present, future: Proceedings of the IV Spiritual and historical readings]. Tomsk, 1995, pp. 69–74.

Tripol'skaia T. A. O semanticheskoi strukture ekspressivnogo slova [On the semantic structure of an expressive word]. *Russkaia leksika v istoricheskom i sinkhronnom osveshchenii* [Russian vocabulary in historical and synchronous considerations]. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otdelenie, 1985, pp. 86–97.

Vilegodskaia govoria: sbornik mestnykh slov, vyrazhenii, prozvizhch, skazok, poslovits i pogovorok [Vilegoda speaking: a collection of local words, expressions, nicknames, fairy tales, proverbs and sayings; ed. by E. Baiborodina, N. Polushina]. Moscow: Zvon-nitsa-MG, 2007. 128 p.

Сведения об авторе

Юлия Сергеевна Захарова – аспирант, ponchik_kotov@mail.ru <https://orcid.org/0000-0002-5823-135X>, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина (55, Октябрьский проспект, 167001 Сыктывкар, Республика КОМИ, Россия); Yulia S. Zakharova – Postgraduate student, ponchik_kotov@mail.ru ORCID: 0000-0002-5823-135X, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (55, Oktiabr'skii pr., 167001 Syktyvkar, The Komi Republic, Russia).

Статья поступила в редакцию 27.12.2022; одобрена после рецензирования 19.01.2023; принята к публикации 25.01.2023.

The article was submitted 27.12.2022; Approved after reviewing 19.01.2023; Accepted for publication 25.01.2023.